

Р О Б Е Р Т

СИЛВЕРБЕРГ

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Роберт Силверберг

Ночные крылья

«Издательство АСТ»

1969

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Силверберг Р.

Ночные крылья / Р. Силверберг — «Издательство АСТ»,
1969 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-135628-6

Далекое будущее земной цивилизации, переживающей упадок. Человеческое общество разделено на касты по принципу невмешательства в дела друг друга и строгого разграничения деятельности. Правители, Летописцы, Хирурги, Воздухоплователи исполняют свои обязанности, не обращая внимания на представителей других каст. Но мир этот хрупок – изгнанники с Земли поклялись жестоко отомстить своим притеснителям, и каста Наблюдателей денно и нощно стоит на страже, ожидая вторжения...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-135628-6

© Силверберг Р., 1969
© Издательство АСТ, 1969

Содержание

Завоеватели	6
Часть I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Роберт Силверберг

Ночные крылья

© Galaxy Publishing Corporation, 1968, 1969

© Перевод. А. Бушуев, 2020

© Перевод. Т. Бушуева, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Завоеватели

Сухопутный мост не широк, и в любое время его пропускная способность невелика; однако обычно движение шло по нему в обе стороны. Но сегодня, поскольку захватчики были близко, мы боялись идти вперед и, испуганно сбившись в кучки, наблюдали за приближением наших завоевателей.

Издали мы увидели машину, в которой они ехали, – длинную, узкую, с толстыми гусеницами и маленькими окнами; поднимая облако пыли, она двигалась нам навстречу...

Посвящается Харлану, чтобы напомнить ему об открытых окнах, коварном течении реки Делавар, двуглавых четвертаках и прочих ловушках.

Часть I

Ночные крылья

1

Роум – город, возведенный на семи холмах. Говорят, что в один из ранних циклов это была столица человечества. Я этого не знал, потому что моя гильдия была гильдией Наблюдателей, а не Летописцев. И все же, когда я впервые увидел его, в сумерках подойдя к нему с юга, я понял: в прежние времена это наверняка был великий город. Даже сейчас он поражен своими внушительными размерами и был населен многими тысячами душ.

Его костистые башни резко выделялись на фоне заката. Его мерцающие огни манили. По левую сторону от меня небо пылало великолепием красок заходящего солнца. Лазурные, пурпурные, малиновые полосы света змеились и переплетались друг с другом в вечернем танце, приносящем с собой тьму. Справа от меня мир уже поглотила чернота. Я попытался разглядеть семь холмов, но потерпел неудачу. И все же я знал: передо мной тот самый Великий Роум, в который ведут все дороги, и был исполнен благоговейного трепета и глубокого уважения к деяниям наших давно ушедших предков.

Мы устроили отдых на длинной прямой дороге, с расстояния глядя на Роум.

– Это хороший город, – сказал я. – Мы найдем там работу.

Рядом со мной Авлуэла взмахнула ажурными крыльями.

– И еду? – спросила она своим высоким, нежным голосом. – И кров? И вино?

– И это тоже, – сказал я. – Все, что ты назвала.

– Как долго мы шли, Наблюдатель? – спросила она.

– Два дня. И три ночи.

– Если бы я летела, это было бы быстрее.

– Для тебя, – уточнил я. – Ты бы оставила нас далеко позади и никогда больше бы нас не увидела. Тебе этого хотелось?

Она подошла ко мне и потерла грубую ткань моего рукава, а затем прижалась ко мне, словно кокетливая кошечка. Ее крылья развернулись в два широких тонких листа, сквозь которые просвечивал свет заката и вечерние огни города, размытые, искаженные, волшебные. Я почувствовал аромат ее полуночных волос. Я осторожно обнял ее стройное мальчишеское тело.

– Ты знаешь, что я хочу всегда быть с тобой, Наблюдатель. Всегда! – ответила она.

– Да, Авлуэла.

– Будем ли мы счастливы в Роуме?

– Мы будем счастливы, – ответил я, выпуская ее из объятий.

– Мы отправимся в Роум прямо сейчас?

– Думаю, нам следует подождать Гормона, – ответил я, покачав головой. – Он скоро вернется из разведки. – Я не хотел признаваться ей, что устал. Она была всего лишь ребенком семнадцати лет... что ей известно об усталости или возрасте? Я же был стар. Не такой древний, как Роум, но тем не менее.

– Пока мы ждем, – сказала она, – можно мне полетать?

– Полетай, конечно.

Я присел на корточки возле нашей повозки и погрел руки в тепле пульсирующего генератора. Авлуэла тем временем приготовилась к полету. Сначала она разделась, потому что у ее крыльев мало силы и она не может поднимать в воздух дополнительный груз. Изящным и

ловким движением она стянула со своих крошечных стоп прозрачные пузырьки и освободилась от малиновой курточки и мягких, пушистых легинсов. Умирующий свет заката подсвечивал ее стройное тело. Как и у всех Воздухоплателей, оно не имело лишних тканей: ее груди были просто шишечками, ягодицы – плоскими, а бедра – такими худыми, что, когда она стояла прямо, между ними был промежуток в несколько дюймов. Могла ли она весить больше, чем квинтал? Лично я сомневаюсь. Глядя на нее, я как всегда почувствовал себя прикованной к земле массой грубой, отвратительной плоти, хотя я и не грузный человек.

На обочине дороги она присела на колени и, упираясь костяшками пальцев в землю и склонив голову, произнесла слова обычного ритуала Воздухоплателей. Она была ко мне спиной. Ее тонкие крылья затрепетали, наполняясь жизнью, и расправились вокруг нее, словно поднятые ветерком полы плаща. У меня с трудом укладывалось в голове, как такие слабенькие крылья могут поднять в воздух даже такое легчайшее создание, как Авлуэла.

Это не были крылья ястреба, а скорее, крылья бабочки – прозрачные, с прожилками, усеянные цветными крапинками, бирюзовыми, алыми, цвета черного дерева. Крепкая связка соединяла их с двумя плоскими мышечными подушечками под ее острыми лопатками; при этом у нее не было ни массивной грудины летающего существа, ни столь необходимой для полета упругой полосатой мускулатуры. О, я знаю, что, взлетая, Воздухоплатели используют нечто большее, нежели просто мышцы, что в их тайне есть некие мистические дисциплины. И все же я, Наблюдатель, скептически относился к более фантастическим гильдиям.

Авлуэла закончила свои заклинания. Она поднялась, поймала крыльями ветер и оторвалась на несколько футов от земли. Она зависла между землей и небом, и ее крылья неистово бились. Ночь еще не наступила, а крылья Авлуэлы были лишь ночными крыльями.

Днем она летать не могла: мощное давление солнечного ветра швыряло ее на землю. Сейчас же, между сумерками и темнотой, было не лучшее время для полета. В тусклом сумеречном свете я видел, как она устремилась на восток, отчаянно махая не только крыльями, но и руками. Ее маленькое острое личико было сосредоточенно-хмурым, на тонких губах застыли слова заклинания. Она сжалась в комок, затем резко вытянулась – голова в одну сторону, ноги в другую. Внезапно она зависла горизонтально, глядя вниз, на землю, и ее крылья отчаянно бились. Ввысь, Авлуэла! Ввысь!

И она устремилась ввысь, как будто одной только силой воли победив угасающий свет.

Я с истинным удовольствием следил за ее обнаженной фигуркой на фоне темноты. Я отчетливо видел ее, ибо глаза Наблюдателя зорки. В воздухе она казалась в пять раз выше своего роста, а ее крылья расправились на всю ширину, частично закрыв от меня башни Роума. Она помахала мне. Я послал ей воздушный поцелуй и предложил слова любви. Наблюдатели не женятся и не производят на свет детей, но Авлуэла была для меня как дочь, и я гордился ее полетом. Мы странствовали вместе уже год, после того как впервые встретились в Агюпте, и мне казалось, будто я знал ее всю мою долгую жизнь. Из нее я черпал силы. Я не знаю, что именно я значил для этой девушки и источником чего был для нее: безопасности, знаний, неразрывной связи с днями, предшествовавшими ее рождению. Мне оставалось лишь надеяться, что она любила меня так же, как я любил ее.

Теперь она была высоко. Она крутилась, парила, ныряла, совершала пируэты, танцевала. Ее длинные черные волосы струились вокруг ее головы. Ее тело казалось случайным придатком к двум огромным крыльям, которые блестели, пульсировали и сверкали в ночной тьме. Она устремлялась ввысь, упиваясь свободой от гравитации, я же чувствовал себя все более тяжелым и неуклюжим. Затем, словно этакая изящная ракета, она резко устремилась в направлении Роума. Передо мной промелькнули подошвы ее ног и кончики крыльев. Еще миг, и она исчезла из вида.

Я вздохнул и, чтобы согреть пальцы, сунул руки под мышки. Как такое может быть, что я озяб и продрог, тогда как обнаженная девушка, Авлуэла, могла радостно парить в небе?

Шел двенадцатый из двадцати часов, и я должен был вновь приступить к Наблюдению. Я подошел к повозке, открыл футляры, подготовил инструменты. Чехлы некоторых циферблатов пожелтели и выцвели. Стрелки индикаторов утратили светящееся покрытие. Пятна морской воды попортили корпуса приборов – напоминание о том, как в Земном Океане на меня напали пираты. Изношенные и потрескавшиеся, рычаги и узлы тотчас же откликнулись на мое прикосновение, стоило мне приступить к приготовлениям. Сначала Наблюдатель молится об обретении чистого и пронизательного разума. Затем создает внутреннюю связь с инструментами. Затем начинается само Наблюдение, выискивая на звездном небе врагов человечества. Таковы были мои умения и мое ремесло. Я крепко сжал ручки и рычаги, выбросил из головы все мысли и приготовился стать продолжением моего ящика с приборами.

Я успел лишь шагнуть за порог и вступить в первую фазу Наблюдения, когда чей-то глубокий, звучный голос окликнул меня сзади:

– Ну что, Наблюдатель, как дела?

Я без сил прислонился к повозке. Когда тебя внезапно отрывают от работы, испытываешь физическую боль. На мгновение мне в сердце как будто вцепились острые когти. Лицу стало жарко, глаза утратили фокус, во рту пересохло. Собравшись с силами, я принял надлежащие защитные меры, чтобы ослабить метаболическую утечку, и отделился от моих инструментов. Пытаясь по возможности скрыть дрожь, я обернулся.

Гормон, еще один член нашей маленькой компании, подошел ближе и с довольным видом встал рядом со мной.

Он улыбался, глядя на мои страдания, я же не мог злиться на него. Ни при каких обстоятельствах нельзя показывать вашу злость человеку, не состоящему ни в какой гильдии.

– Ты провел время с пользой? – спросил я, сделав над собой усилие.

– И с немалой. Где Авлуэла?

Я указал на небо. Гормон кивнул.

– Что выяснил? – спросил я.

– Что этот город – определенно Роум.

– В этом никогда не было ни малейших сомнений.

– У меня были. Но теперь у меня есть доказательства.

– Неужели?

– В кармане. Посмотри!

Из складок туники он вытащил походную торбу, положил ее на дорогу рядом со мной и раздвинул ее горловину ровно настолько, чтобы засунуть в нее обе руки. Негромко крикнув, он начал вытаскивать наружу что-то тяжелое – нечто вроде белого камня, – длинную мраморную колонну, как я теперь видел, с завитками, изрядно изъеденную временем.

– Из храма Имперского Роума! – торжествующе заявил Гормон.

– Тебе не следовало этого делать.

– погоди! – воскликнул он и снова полез в свою торбу. На этот раз он извлек горсть металлических кругляшков, которые бросил к моим ногам.

– Монеты! Деньги! Ты посмотри на них, Наблюдатель! На них лики Цезарей!

– Кого-кого?

– Древних правителей. Разве ты не знаешь историю прошлых циклов?

Я с любопытством посмотрел на него:

– Ты утверждаешь, что не состоишь ни в какой гильдии, Гормон. Может, ты Летописец и скрываешь это от меня?

– Посмотри на мое лицо, Наблюдатель. Разве я могу принадлежать к какой-нибудь гильдии? Разве туда примут Перерожденца?

– Ты прав, – согласился я, глядя на его толстую, как будто восковую, золотистого оттенка кожу, глаза с красными зрачками, искривленный рот. В детстве Гормона кормили тератогене-

тическими препаратами; он был мутантом, по-своему красивым, но тем не менее монстром, Перерожденцем, существом вне законов и обычаев человека, которые приняты в Третьем Цикле цивилизации. Для таких, как он, никаких гильдий не существует.

– Это еще не все, – продолжил Гормон. Его торба была бездонной; в случае необходимости в ее сморщенную серую пасть можно запихнуть целый мир, и все равно она останется размером с ладонь. Гормон извлек из нее обломки каких-то приборов, свитки, угловатую вещь из коричневого металла, не иначе как какой-то древний инструмент, три квадратика блестящего стекла, пять бумажек – бумажек! – и множество других допотопных вещей. – Видишь? – гордо сказал он. – Плодотворная прогулка, Наблюдатель! И это не просто случайная добыча. Все записано, все помечено – культурный слой, предполагаемый возраст, местоположение находок. Здесь у нас многие тысячелетия Роума.

– Имел ли ты право взять эти вещи? – с сомнением спросил я.

– Почему бы нет? Кто их хватится? Кому из этого цикла есть дело до прошлого?

– Летописцам.

– Чтобы делать свою работу, им не нужны предметы.

– Но зачем они тебе?

– Меня интересует прошлое, Наблюдатель. Пусть я и не состою ни в какой гильдии, у меня есть научные интересы. Что в этом такого? Ведь даже мутант может стремиться к знаниям, верно?

– Конечно, конечно. Стремись, если хочешь. Реализуй себя в чем хочешь. Это Роум. На рассвете мы войдем в него. Я надеюсь найти здесь работу.

– У тебя могут возникнуть трудности.

– Как так?

– Не сомневаюсь, что в Роуме и без тебя толпы Наблюдателей. Вряд ли там будет большой спрос на твои услуги.

– Я буду искать милости принца Роума, – сказал я.

– Принц Роума – суровый, холодный и жестокий человек.

– Ты с ним знаком?

Гормон пожал плечами.

– В некотором роде. – Он начал складывать свои находки обратно в походную торбу. – Впрочем, можешь рискнуть, Наблюдатель. Есть ли у тебя иной выбор?

– Нет, – ответил я. Гормон рассмеялся. Я даже не улыбнулся.

Гормон занялся изучением похищенных древностей. Если честно, его слова меня глубоко расстроили. Он казался таким уверенным в себе в этом полном неопределенности мире, этот изгой, Перерожденец, не состоящий ни в какой гильдии, монстр, не похожий на человека. Как он мог оставаться таким хладнокровным, таким спокойным? Он жил без забот, не тревожась о бедствиях, и издевался над теми, кто признавался в своем страхе. Гормон странствовал с нами уже девять дней, с тех пор как мы встретили его в древнем городе на юге, под вулканом на берегу моря. Я не предлагал ему присоединиться к нам. Он сам влился в нашу компанию, и я уступил просьбе Авлуэлы и согласился его взять. В это время года на дорогах темно и холодно, на них можно встретить множество опасных животных, и старику, путешествующему с девушкой, наверняка был смысл взять с собой сильного, мускулистого спутника, такого, как Гормон. И все же бывали дни, когда я жалел, что взял его с нами, и сегодня был один из таких дней.

Я медленно вернулся к своим инструментам.

– Я помешал твоим Наблюдениям? – спросил Гормон, как будто до него это дошло только что.

– Да, помешал, – мягко сказал я.

– Извини. Тогда начни сначала. Я не буду тебе докучать.

И он одарил меня своей ослепительной кривой улыбкой, полной такой неподдельной искренности, что она затмила собой высокомерие его слов.

Я покрутил ручки, установил контакт с узлами, стал следить за показаниями приборов. Но я не вошел в режим Бдения, потому что чувствовал рядом с собой Гормона и боялся, что, несмотря на обещание не мешать мне, он в самый ответственный момент отвлечет мое внимание.

Наконец я отвернулся от прибора. Гормон стоял на противоположной стороне дороги, подняв голову и вытянув шею, чтобы разглядеть в небе Авлуэлу. Стоило мне повернуться к нему, как он вспомнил о моем присутствии.

– Что-то не так, Наблюдатель?

– Нет. Момент не благоприятен для моей работы. Я подожду.

– Скажи мне, – сказал он, – когда враги Земли действительно прилетят со звезд, твои инструменты сообщат тебе об этом?

– Надеюсь, что сообщат.

– А что будет потом?

– Тогда я оповещу Защитников.

– После чего труд всей твоей жизни завершится?

– Возможно, – ответил я.

– Зачем тогда нужна целая гильдия Наблюдателей? Почему бы не иметь один главный центр? Зачем кучка странствующих Наблюдателей перемещается с места на место?

– Чем больше векторов обнаружения, тем выше вероятность раннего оповещения о вторжении чужаков, – ответил я.

– Тогда отдельный Наблюдатель вполне может включить свои машины и ничего не заметить, если захватчик уже здесь.

– Такое тоже возможно. Поэтому мы и практикуем избыточность.

– Иногда мне кажется, что вы все доводите до крайности, – улыбнулся Гормон. – Ты действительно веришь, что вторжение состоится?

– Да, верю, – сухо ответил я. – Иначе вся моя жизнь была бы напрасной тратой времени.

– Но зачем инопланетянам Земля? Что у нас здесь имеется, кроме остатков древних империй? Как они поступят с несчастным Роумом? С Перрисом? С Джорслемом? Ведь это гибнущие города! Идиоты-принцы! Признай, Наблюдатель, что я прав: вторжение – это миф, и ты четыре раза в день совершаешь бессмысленные действия. Разве не так?

– Наблюдение – мое ремесло и моя наука. Глумление – твое. Каждый из нас обречен на что-то свое, Гормон.

– Прости, – сказал он с насмешливым смирением. – Тогда продолжай наблюдать.

– Я и продолжу.

Рассерженный, я вернулся к ящику с инструментами. Я решил не обращать внимания на любые помехи, какими бы жестокими они ни были. Звезды уже были видны. Я смотрел на мерцающие созвездия, и мой разум автоматически регистрировал великое множество миров. Давайте наблюдать, подумал я. Будем бдительны, несмотря на любых насмешников.

Я вошел в состояние полного Бдения.

Я вцепился в рукоятки приборов, впуская в себя волну энергии, и забросил свой разум на небеса в поиске враждебных существ. Какой экстаз! Какое невероятное великолепие!

Я, который никогда не покидал эту маленькую планету, странствовал теперь по черным пространствам пустоты, скользил от звезды к горячей звезде, видел планеты, вращающиеся, словно волчки. Я путешествовал по космосу, и на меня смотрели бесчисленные лица – какие-то без глаз, какие-то с их множеством. Мне была доступна вся сложность галактики, населенной огромным количеством живых существ. Я выслеживал возможные места скопления вражеской силы.

Я разглядывал буровые площадки и военные лагеря. Я искал, точно так же как делал это четыре раза в день всю свою взрослую жизнь, обещанных нам захватчиков, завоевателей, которые, в конце концов, должны вторгнуться в наш изрядно обветшавший мир.

Я ничего не нашел и, когда, потный и обессиленный, вышел из транса, то увидел, что на землю спускается Авлуэла.

Приземлилась она легко, как перышко. Гормон окликнул ее, и она, голая, побежала к нему, и ее маленькие грудки покачивались на бегу. Он обхватил ее хрупкую фигурку своими крепкими руками, и они обнялись, но не страстно, а радостно. Когда он отпустил ее, она повернулась ко мне.

– Роум! – захлебываясь восторгом, сообщила она. – Роум!

– Ты видела его?

– Я видела все! Тысячи людей! Свет! Бульвары! Рынок! Руины зданий, которым уже много-много циклов! О, Наблюдатель, как же прекрасен Роум!

– Гляжу, твой полет был удачным, – заметил я.

– Просто чудо!

– Завтра утром мы уже будем в Роуме.

– Нет, Наблюдатель, сегодня вечером, сегодня вечером! – Она была по-детски нетерпелива, ее лицо сияло волнением. – Нам осталось пройти совсем чуть-чуть! Смотри, он уже вон там!

– Сначала нам надо отдохнуть, – сказал я. – Мы же не хотим прийти в Роум, валясь с ног от усталости.

– Мы можем отдохнуть, когда придем туда, – возразила Авлуэла. – Пойдем! Собирай свои вещи! Ты ведь провел свое Наблюдение, верно?

– Да. Провел.

– Тогда вперед. В Роум! В Роум!

Я вопросительно посмотрел на Гормона. Наступила ночь, пришло время разбить лагерь и поспать несколько часов.

В кои веки Гормон поддержал меня.

– Наблюдатель прав, – сказал он Авлуэле. – Нам всем не мешает отдохнуть. Мы отправимся в Роум на рассвете.

Авлуэла надулась и даже сильнее, чем когда-либо, стала похожа на обиженного ребенка. Ее крылья поникли, ее недоразвитое тельце как будто сжалось. Она раздраженно сложила крылья, и те превратились в два горбика размером с кулак, и подняла одежду, которую перед полетом разбросала по дороге.

Пока мы разбивали бивуак, она оделась. Я раздал пищевые таблетки, после чего мы залезли в спальные мешки. Я погрузился в беспокойный сон. Мне приснилась Авлуэла на фоне рушащейся луны и летящий рядом с ней Гормон. За два часа до рассвета я встал и, пока остальные спали, провел свое первое Наблюдение зарождающегося нового дня. Затем я разбудил их, и мы двинулись к Роуму, легендарному имперскому городу.

2

Утренний свет был ярок и слепил глаза, как будто это был недавно созданный, молодой мир. Дорога была почти пуста. В наши дни люди почти не путешествуют, если только, как я, не странствуют по привычке и делам своей профессии. Время от времени мы отступали в сторону, чтобы пропустить колесницу какого-то представителя гильдии Мастеров, которую тянула дюжина безликих, запряженных рядами кастратов. За первые два часа нового дня мимо нас проехали четыре такие повозки, и каждая из них была закрыта и опечатана, чтобы скрыть горделивые лица сидящих в них Мастеров от глаз простого люда вроде нас. Мимо нас проехали

несколько груженных фургонов, а над нашими головами проплыло несколько летающих платформ. Однако большую часть пути дорога была полностью в нашем распоряжении.

Окрестности Роума несли на себе следы древности: отдельно стоящие колонны, фрагменты акведука, который вел из ниоткуда в никуда, порталы исчезнувших храмов. Это были руины самого древнего Роума, на которые наслоились останки Роума последующих циклов: крестьянские хижины, купола колодцев энергии, пустые коробки жилых высотных домов. Изредка нам попадался сгоревший каркас какого-нибудь древнего воздушного судна.

Гормон все внимательно разглядывал, время от времени подбирая разные образцы. Авлуэла молча смотрела на все это широко открытыми глазами. Мы шли до тех пор, пока перед нами не замаячили городские стены.

Они были из синего блестящего камня, аккуратно сложенные, высотой в восемь раз больше роста обычного человека.

Наша дорога пронзала стену сквозь арку. Ворота стояли открытыми настежь. Когда мы приблизились к ним, к нам вышла какая-то фигура. Необычайно высокого роста, человек этот был в капюшоне и маске и в строгом одеянии гильдии Пилигримов. К такому никто не подходит сам, но послушно шагают ему навстречу, если он делает знак подойти. Пилигрим поманил нас.

– Откуда вы? – спросил он сквозь решетчатое забрало маски.

– С Юга. Одно время я жил в Агюпте, затем прошел по Сухопутному мосту в Талью, – ответил я.

– Куда держишь путь?

– В Роум, ненадолго.

– Как идет Наблюдение?

– Как обычно.

– Тебе есть где остановиться? – спросил Пилигрим.

Я покачал головой.

– Мы полагаемся на доброту Воли.

– Воля не всегда добра, – рассеянно сказал Пилигрим. – Да и недостатка в Наблюдателях в Роуме тоже нет. Почему ты путешествуешь с Воздухоплавательницей?

– За компанию. И еще потому, что она молода и нуждается в защите.

– Кто твой второй спутник?

– Он без гильдии, Перерожденец.

– Это я вижу. Но почему он с тобой?

– Он сильный, а я старый, и поэтому мы путешествуем вместе. А куда идешь ты, Пилигрим?

– В Джорсле. Куда еще может держать путь человек моей гильдии?

Я пожал плечами, соглашаясь с ним.

– Не хочешь ли пойти со мной в Джорсле? – спросил Пилигрим.

– Теперь мой путь лежит на север. Джорсле же находится на юге, рядом с Агюптом.

– Ты был в Агюпте, но не был в Джорсле? – удивился он.

– Да. Для меня еще не пришло время увидеть Джорсле.

– Тогда давай, Наблюдатель, пойдем туда прямо сейчас. Будем вместе шагать по дороге, будем вести разговоры о минувших временах и о грядущих. Я буду помогать тебе в твоём Наблюдении, ты же поможешь мне в общении с Волей. Согласен?

Это было серьезное искушение. Перед моим взором всплыл образ Золотого Джорсле, его храмов и святилищ, его домов обновления, где старые обретают молодость, его шпилей и его молелен. Хотя я человек привычки и строгих правил, в тот момент я был готов махнуть рукой на Роум и отправиться вместе с Пилигримом в Джорсле.

– А мои спутники... – сказал я.

– Оставь их. Мне запрещено путешествовать с теми, кто не состоит в гильдиях, и я не хочу путешествовать с женщиной. В Джорслеке пойдем только мы с тобой, Наблюдатель, пойдем вдвоем.

Авлуэла – она стояла в сторонке и, нахмутив брови, слушала наш разговор – внезапно бросила на меня полный ужаса взгляд.

– Я не оставлю их, – заявил я.

– Тогда я пойду в Джорслеке один, – сказал Пилигрим.

Из его мантии выскользнула костлявая рука. Пальцы у него были длинные, белые и сильные. Я почтительно дотронулся до их кончиков, и Пилигрим сказал:

– Да будет Воля милосердна к тебе, друг Наблюдатель. И когда ты придешь в Джорслеке, найди меня.

Сказав это, он молча зашагал дальше по дороге.

– Ты бы пошел с ним, верно? – спросил Гормон.

– Я был готов к этому.

– Что можно найти в Джорслеке, чего нет здесь? Он священный город, но и этот – тоже. Здесь ты можешь немного отдохнуть. Ты слишком устал, чтобы идти дальше.

– Возможно, ты прав, – признал я и, собрав остатки сил, шагнул к воротам Роума.

Бдительные глаза пристально смотрели на нас сквозь бойницы в стене. Когда мы были на середине ворот, нас остановил толстый Страж с рябым лицом и отвисшей кожей и спросил, что нам нужно в Роуме. Я назвал свою гильдию и цель прихода, и рябой Страж презрительно фыркнул.

– Ступай куда-нибудь еще, Наблюдатель! Здесь требуются только нужные люди.

– Наблюдение приносит свою пользу, – мягко возразил я.

– Несомненно. Несомненно. – Он покосился на Авлуэлу. – А это кто? Наблюдатели безбрачны, разве нет?

– Она не более чем обычный попутчик.

Страж похотливо осклабился.

– Сдается мне, ты часто ходишь этим путем! Впрочем, не вижу, что ты в ней нашел. Сколько ей? Тринадцать? Четырнадцать? Подойди-ка сюда, детка. Хочу проверить тебя на предмет контрабанды. – Он быстро облапал ее тело, осяпав крошечную грудь, нахмурился, а когда нащупал пониже лопаток бугорки крыльев, удивленно выгнул бровь.

– Это как понимать? Ну и ну, сзади больше, чем впереди! Ты ведь Воздухоплавательница, верно? Грязное это дельце. Воздухоплавательница, а якшается с мерзкими старыми Наблюдателями. – Он усмехнулся и снова облапал тело Авлуэлы. Видя это, Гормон в гневе шагнул вперед, готовый убить его на месте. Я успел схватить его за запястье, удерживая на месте, чтобы он не погубил нас троих нападением на Стража. Перерожденец дернулся и чуть не опрокинул меня на землю, но затем успокоился и равнодушно наблюдал за тем, как толстяк закончил проверять Авлуэлу «на предмет контрабанды».

Наконец Страж с явным отвращением повернулся к Гормону.

– А ты кто такой? – спросил он.

– Я не состою в гильдиях, ваша милость, – резко ответил Гормон. – Смирный и ничемный продукт тератогенеза, но тем не менее свободный человек, желающий попасть в Роум.

– Разве нам здесь нужны новые монстры?

– Я ем мало, а работаю много.

– Ты бы работал еще больше, будь ты кастрирован, – сказал Страж.

Гормон был готов испепелить его взглядом.

– Так мы можем войти? – спросил я.

– Момент. – Страж надел свой нейрошлем и прищурился, передавая сообщение в резервуары памяти. Сначала его лицо напряглось от усилия, но затем обмякло, и через несколько

мгновений пришел ответ. Нам, разумеется, ничего не было слышно, но, судя по его разочарованному виду, не было найдено никаких оснований для отказа нам войти в Роум.

– Проходите, – сказал он. – Все трое. Быстро!

Мы прошли за ворота.

– Я мог бы разрубить его одним ударом, – сказал Гормон.

– И уже к вечеру был бы кастрирован. Немного терпения, и мы войдем в Роум.

– Ты вспомни, как он обращался с ней...

– Ты относишься к Авлуэле как собственник, – сказал я. – Помни, что она Воздухоплавательница, а не сексуально доступный объект для человека без гильдии.

Гормон проигнорировал мой укор.

– Она возбуждает меня не больше, чем ты, Наблюдатель. Но мне было больно видеть, как он с ней обращается. Если бы ты не удержал меня, я бы его убил.

– Где мы остановимся, когда придем в Роум? – спросила Авлуэла.

– Сначала я должен найти представительство моей гильдии, – сказал я. – Я регистрируюсь в гостинице Наблюдателей. После чего мы поищем ложу Воздухоплавателей и попробуем получить там еду.

– А потом, – сухо заметил Гормон, – мы пойдем в Канаву Без Гильдии и будем просить милостыню.

– Мне жаль тебя, потому что ты Перерожденец, – сказал я ему, – но с твоей стороны не слишком красиво жалеть себя. Пойдем.

Мы зашагали по мощеной извилистой дороге, ведущей от ворот непосредственно в сам Роум. Мы были во внешнем кольце города, жилой его части, застроенной невысокими, приземистыми домами, на которых располагались громоздкие оборонительные сооружения. Во внутренней части города высились сверкающие башни, которые мы прошлой ночью видели с окрестных полей: остатки древнего Роума, бережно хранимые на протяжении более десяти тысяч лет; рынок, промышленная зона, коммуникационный узел, храмы Воли, резервуары памяти, ночлежки, бордели для чужестранцев, административные здания, представительства различных гильдий.

В углу, рядом со зданием эпохи Второго Цикла со стенами из чего-то похожего на резину, я нашел общедоступный нейрошлем и надел его. Мои мысли тотчас же понеслись по каналу связи и вскоре достигли интерфейса, который дал им доступ к одному из хранилищ резервуара памяти. Я внедрился в интерфейс и увидел сам морщинистый мозг, бледно-серый на фоне темно-зеленого цвета его корпуса. Один Летописец когда-то рассказывал мне, что в прошлые циклы люди строили машины, чтобы те думали за них, хотя эти машины были адски дорогими, требовали огромного пространства и пожирали уйму энергии.

Это было не худшим из безумств наших предков; но зачем строить искусственные мозги, когда смерть каждый день высвобождает множество великолепных естественных мозгов для подключения к резервуарам памяти? Или им не хватало знаний, чтобы ими воспользоваться? Лично мне в это верилось с трудом.

Я сообщил мозгу мою гильдию и запросил координаты нашей гостиницы. Ответ пришел моментально, и мы отправились туда. Авлуэла шагала с одной стороны от меня, Гормон – с другой, я же, как всегда, катил тележку с моими инструментами.

Город был многолюден. Я не видел таких толп ни в сонном, знойном Агюпте, ни где-либо еще на моем пути на север. Улицы были полны Пилигримов, скрытных и замаскированных. Расталкивая толпы, прокладывая себе дорогу деловитые Летописцы и угрюмые Купцы, а изредка – паланкин какого-нибудь Мастера. Авлуэла увидела несколько Воздухоплавателей, но устав ее гильдии запрещает ей обмениваться с ними приветствиями, пока она не пройдет ритуальное очищение. С сожалением должен сказать, что мне встретилось немало Наблюдателей, но все они смотрели на меня неприветливо и даже с презрением. Я также заметил довольно

много Защитников, а также внушительное число представителей низших гильдий, таких как Торговцы, Сервиторы, Ремесленники, Писцы, Коммуниканты и Транспортеры. Естественно, толпы кастратов молча спешили мимо нас по своим немудрящим делам. Улицы также были наводнены многочисленными пришельцами самой разной наружности, которые в основном, вероятно, были туристами, однако часть этих созданий явно прибыла сюда для того, чтобы вести дела с хмурыми, обездоленными обитателями Земли. Заметил я и немало Перерожденцев, боязливо ковылявших среди толп людей. Ни один из них не шагнул, гордо расправив плечи, как шедший рядом со мной Гормон. Для представителя своего племени он был уникален. Остальные были пестрыми, пегими, кособокими, безрукими или безногими или же, наоборот, обросли лишними конечностями; деформированные самым причудливым, немыслимым образом – косоглазые, хромые, безъязыкие, горбатые. Это были карманники, осушители мозгов, торговцы органами, продавцы покаяния, старьевщики, и ни один не держал голову так гордо и высоко, как будто считал себя человеком.

Направление, данное мозгом, было точным. Менее чем через час мы добрались до гостиницы Наблюдателей. Я оставил Гормона и Авлуэлу снаружи и вкатил внутрь мою тележку.

В главном зале сидело около дюжины членов моей гильдии. Я как положено поприветствовал их, и они вяло ответили мне. Неужели это те, от кого зависит безопасность Земли? Простаки и слабаки!

- Где я могу зарегистрироваться? – спросил я.
- Новичок? Откуда?
- Моим последним местом регистрации был Агюпт.
- Вот бы и оставался там. Здесь не нужны Наблюдатели.
- Где я могу зарегистрироваться? – повторил я свой вопрос.

Щеголеватый юнец указал на экран в задней части большой комнаты. Я подошел к нему, прижал кончики пальцев, ответил на вопросы и назвал свое имя, которое Наблюдатель может сообщить только другому Наблюдателю и только в стенах гостиницы. Открылась панель, и заспанный человек с эмблемой Наблюдателя на правой щеке, а не на левой, что означало его высокий ранг в гильдии, произнес мое имя и сказал:

- Ты зря пришел в Роум. Наша квота здесь давно превышена.
- Тем не менее я прошу жилье и работу.
- С твоим чувством юмора тебе стоило бы родиться в гильдии Клоунов, – ответил он.
- Я не вижу ничего смешного.
- Согласно законам, принятым нашей гильдией на самой последней сессии, гостиница

не обязана принимать новых жильцов, как только она заполняется до разрешенного уровня вместимости. Мы достигли разрешенного уровня. Прощай, мой друг.

Его слова повергли меня в ужас.

– Я не знаю такого правила! Это немыслимо! Чтобы гильдия отказала своему члену в койке в ее собственной гостинице, когда он прибывает, уставший и сбивший ноги! Человек моего возраста, прошедший по Сухопутному Мосту из Агюпта, в Роуме чужак, голодный и без крыши над головой...

- Почему ты заранее не спросил у нас?
- Я понятия не имел, что это необходимо.
- Новые правила...

– Да сокрушит Воля новые правила! – крикнул я. – Я требую жилья! Не пустить того, кто вел Наблюдение еще до того, как ты появился на свет...

– Полегче, брат, полегче.

– Безусловно, у вас найдется угол, где я могу спать... горсть крошек, чтобы поддержать мои силы.

Хотя мой тон смягчился от возмущения до мольбы, безразличие на его лице сменилось обычным презрением.

– У нас нет места. У нас нет еды. Ты знаешь, для нашей гильдии настали тяжелые времена. Поговаривают, что мы будем распущены как бесполезная роскошь, бесцельно истощающая ресурсы Воли. Мы крайне ограничены в наших возможностях. В Роуме избыток Наблюдателей, и мы все сидим здесь на голодном пайке, и если мы примем тебя, то наши порции станут еще меньше.

– Но куда мне пойти? Что мне делать?

– Советую тебе положиться на милость принца Роумского, – спокойно произнес он.

3

Выйдя наружу, я рассказал об этом Гормону. Тот от смеха согнулся пополам и хохотал так яростно, что сухожилия на его худых щеках заалели, как кровавые рубцы.

– Милость принца Роумского! – повторял он. – Милость принца Роумского!

– У всех отверженных принято обращаться за помощью к местному правителю, – холодно заметил я.

– Принц Роума не ведает милости, – сказал мне Гормон. – Принц Роума, чтобы утолить твой голод, скормит тебе твои собственные конечности!

– Может, – сказала Авлуэла, – нам стоит попытаться найти ложу Воздухоплателей. Нас там накормят.

– Но не Гормона, – заметил я. – У нас есть обязательства друг перед другом.

– Мы могли бы вынести ему еды, – сказала она.

– Я предпочел бы сначала побывать при дворе, – настаивал я. – Давайте обеспечим себе статус. После чего, если понадобится, мы сможем что-то придумать с жильем.

Она не стала спорить, и мы отправились во дворец принца. Массивное здание с огромной, обрамленной колоннами площадью перед ним стояло на противоположной стороне реки, разделяющей город на две части. На площади к нам все время приставали всякие нищие, некоторые даже из числа пришельцев из других миров. Ко мне, требуя подаяния, подскочило какое-то существо с длинными шупальцами и изъязвленным, безносым лицом и не отставало до тех пор, пока Гормон не оттолкнул его. Увы, буквально через несколько секунд второе, не менее странное существо, покрытое блестящими язвами и с усыпанными глазами конечностями, обняло мои колени и во имя Воли попросило милосердия.

– Я всего лишь бедный Наблюдатель, – объяснил я, указывая на свою тележку, – я и сам здесь, чтобы добиться милости.

Но существо вцепилось в меня, всхлипывая, пытаясь разжалобить своими несчастьями, гнусава невнятным, птичьим голосом, и в конце концов, к великому неудовольствию Гормона, я бросил в мешочек на его груди несколько пищевых таблеток. Работая локтями, мы кое-как проложили себе путь к двери дворца. В портике нашим взглядам предстало еще более ужасное зрелище: искалеченный Воздухоплатель, чьи хрупкие конечности были согнуты и вывернуты. Одно его крыло было наполовину раскрыто и сильно обрезано, другое отсутствовало полностью. Он бросился к Авлуэле, назвав ее чужим именем, оросил ее легинсы слезами, столь обильными, что их мех слипся и покрылся мокрыми пятнами.

– Заплати за меня... дай денег на жилье, – умолял он ее. – Они отвергли меня, потому что я искалечен, но если ты заплатишь за меня...

Авлуэла объяснила, что ничем не может ему помочь, что она незнакома с этой ложей. Искалеченный Воздухоплатель не отпускал ее, и Гормон с великой осторожностью, словно горсть высохших костей, поднял его и отставил в сторону. Мы вошли под своды портика и

сразу же столкнулись с троицей женоподобных кастратов. Спросив нас о цели нашего прихода, те быстро отвели нас к следующему барьеру, который охраняла пара опытных Индексаторов.

Говоря в унисон, они спросили, зачем мы пришли.

– Мы просим аудиенции, – сказал я. – Милосердия ради.

– Аудиенция через четыре дня, – ответил Индексатор, стоявший справа. – Мы внесем ваш запрос в списки.

– Нам негде спать! – выкрикнула Авлуэла. – Мы голодны! Мы...

Я велел ей замолчать. Тем временем Гормон принялся что-то искать в своем кармане. В его руке блеснуло что-то яркое: золотые монеты, вечный металл с чеканными ястребиными, бородатыми профилями. Он нашел их, копаясь в руинах. Он бросил одну монету Индексатору, который только что отказал нам. Тот поймал ее на лету, потер пальцем ее блестящую лицевую сторону и мгновенно спрятал в складках одежды.

Второй Индексатор выжидал. Улыбаясь, Гормон дал монету и ему.

– Возможно, – сказал я, – нам удастся получить специальную аудиенцию внутри.

– Возможно, и удастся, – ответил один из Индексаторов. – Проходите.

И мы прошли в неф самого дворца и оказались в просторном, гулком вестибюле. Мы стояли, глядя на центральный проход, ведущий в сторону отгороженного тронного зала в апсиде. Здесь было еще больше нищих, имеющих официальное наследственное разрешение на милостыню, а также толпы Пилигримов, Коммуникантов, Летописцев, Музыкантов, Писцов и Индексаторов. Я слышал бормотание молитв. Я чувствовал запах курящегося ладана. Я ощущал вибрацию подземных гонгов. В прошлых циклах это здание было святилищем одной из древних религий – религии Христов, как сообщил мне Гормон, – что заставило меня еще раз заподозрить, что он Летописец, выдающий себя за Перерожденца, – и все еще отчасти сохраняло свой сакральный характер, хотя и служило теперь резиденцией светской власти Роума. Но как же нам увидеться с принцем? Слева от меня я заметил небольшую, богато украшенную часовню, в которую медленно входила вереница преуспевающих Купцов и Землевладельцев. Посмотрев мимо них, я заметил три черепа, установленных на переговорном устройстве – входе в резервуар памяти, – а рядом с ними здорового Писца. Велев Гормону и Авлуэле подождать меня в проходе, я присоединился к очереди.

Та двигалась медленно. Прошел почти час, прежде чем я добрался до опросного устройства. Черепа незряче смотрели на меня. Внутри каждой запечатанной черепной коробки пузырились и булькали питательные жидкости, омывая мертвые, но все еще действующие мозги, чьи миллиарды миллиардов синапсов теперь служили превосходными мнемоническими устройствами. Писец, как мне показалось, пришел в ужас от того, что увидел в этой очереди Наблюдателя, но, прежде чем он успел что-то сказать, я выпалил:

– Я пришел как чужестранец просить милости принца. Я и мои спутники не имеем крыши над головой. Моя собственная гильдия отказала мне. Что же мне делать? Как я могу получить аудиенцию?

– Приходи сюда через четыре дня.

– Я спал у дороги гораздо больше дней. Теперь мне нужен нормальный отдых.

– Общественная гостиница...

– Но я член гильдии! – запротестовал я. – Общественные гостиницы не впускают меня, поскольку моя гильдия имеет здесь свою гостиницу, а моя гильдия отказывает мне из-за какого-то нового правила, и... теперь ты видишь мое бедственное положение?

– Ты можешь подать прошение об особой аудиенции, – усталым голосом произнес Писец. – В ней будет отказано, но ты все равно можешь его подать.

– Куда?

– Вот сюда. Назови цель своего прихода.

Я сообщил черепам мое официальное обозначение, назвал имена и статус двух моих спутников и объяснил суть моего дела. Все это было принято и передано в ряды мозгов, установленных где-то в глубине города, и, когда я закончил, Писец сказал:

– Если заявка будет одобрена, тебя уведомят.

– А где же мне ночевать?

– Я бы предложил рядом с дворцом.

Я его понял. Он предлагал мне присоединиться к легиону несчастных, заполонивших площадь. Сколько из них обратились к принцу с прошением об особой милости и все еще были там, месяцы или годы спустя, ожидая, когда их вызовут в Присутствие? Спящих на камнях, выклянчивающих корки, прозябавших в глупой надежде!

Но я исчерпал мои возможности. Я вернулся к Гормону и Авлуэле, рассказал им о ситуации и предложил попытаться найти любое жилье, какое только попадется. Не состоявшего ни в какой гильдии Гормона наверняка пустят в любую из убогих общественных гостиниц, предназначенных для таких, как он. Авлуэла могла бы найти место на постоялом дворе своей гильдии. Лишь мне одному придется спать под открытым небом, впрочем, не в первый раз. Но я надеялся, что нам не придется расстаться. Я уже считал нас одной семьей, хотя для Наблюдателя это была странная мысль.

Мы уже направлялись к выходу, когда мои часы мягко напомнили мне, что вновь наступил час Наблюдения. Это был мой долг и моя привилегия – независимо от обстоятельств, где бы я ни находился, всякий раз, когда наступал мой час, вести Наблюдение. Поэтому я остановился, открыл тележку и привел в действие мои приборы. Гормон и Авлуэла стояли рядом со мной. Я видел ухмылки и откровенное издевательство на лицах тех, что проходили во дворец и выходили из него. Наблюдатели не пользовались всеобщим уважением, ибо мы наблюдаем давно, а обещанный враг так и не появился.

Тем не менее у каждого есть свой долг, пусть даже другим он может показаться смешным. То, что для одних пустой ритуал, может быть делом жизни для других. Я упрямо ввел себя в состояние Бдения. Мир вокруг меня как будто исчез, и я вознесся к небесам. Знакомая радость охватила меня: я осматривал знакомые места и те, что были мне не очень знакомы, и мой взвихренный разум, как безумный, огромными скачками переносился от галактики к галактике. Собралась ли где-то армада кораблей? Готовит ли враг силы к завоеванию Земли? Я вел свои Наблюдения четыре раза в день. Другие члены моей гильдии делали то же самое, хотя и в иной час, так что ни один момент не проходил без дежурства бдительного разума. Я не считал мое призвание бессмысленным.

Я уже почти вышел из состояния транса, когда чей-то резкий голос прокричал:

– ...принцу Роума! Дорогу принцу Роума!

Я моргнул, отдышался и попытался стряхнуть с себя последние остатки сосредоточенности. Покачиваясь на плечах фаланги кастратов, из дальней части дворца появился позолоченный паланкин и поплыл по нефу прямо ко мне. По обеим сторонам паланкина вышагивали четверо мужчин в элегантных нарядах и блестящих масках гильдии Мастеров, а перед ними шли три Перерожденца, приземистых и широкоплечих. Горло каждого было переделано так, чтобы издавать звук, похожий на лягушачье кваканье. Шагая, они издавали торжественные трубные ноты. Мне показалось странным, что принц держит на службе Перерожденцев, пусть даже таких одаренных, как эти.

Моя тележка стояла на пути этой великолепной процессии. Я поспешно попытался закрыть ее и отодвинуть в сторону, прежде чем идущие натолкнутся на меня. Возраст и страх стали причиной того, что мои пальцы дрожали, и я не сумел правильно сложить инструменты. И пока я неуклюже пытался закрыть свой ящик, напыщенные Перерожденцы подошли уже так близко, что рев их глоток оглушил меня. Гормон попытался помочь мне, но я был вынужден возмущенно зашипеть на него, ибо прикасаться к приборам может лишь член моей гильдии.

Я оттолкнул его, а в следующий миг на меня обрушился авангард Кастратов, дабы отогнать меня прочь сверкающими кнутами.

– Во имя Воли! – крикнул я. – Я Наблюдатель!

Неожиданно за их спинами раздался низкий, спокойный, величественный голос:

– Отпустите его. Он Наблюдатель.

Все движение разом прекратилось. Это был голос принца Роума.

Кастраты отступили. Перерожденцы умолкли. Носильщики опустили паланкин на пол. Все, кто находился в нефе дворца, попятились, кроме Гормона, Авлуэлы и меня. Мерцающие шторы паланкина раздвинулись. Двое Мастеров поспешили вперед и протянули руки сквозь внутренний звуковой барьер, предлагая монарху свою помощь. Барьер с легким жужжанием отключился.

Из паланкина показался принц Роума.

Он был так молод! Почти мальчишка – густые, темные волосы, на лице ни морщинки. Но он был рожден, чтобы править, и, несмотря на свою молодость, был столь же властным, как и любой правитель. Его тонкие губы были плотно поджаты; его орлиный нос был острым и агрессивным; глаза, глубокие и холодные, были подобны бездонным колодцам. Облачен он был в усыпанные драгоценными камнями одежды гильдии Доминаторов, но на его щеке был вырезан двойной крест Защитников, а на шее завязан темный платок Летописца. Доминатор может вступить в любое количество гильдий, в какое он пожелает, и для Доминатора было бы странно не быть Защитником. Но меня удивило, когда я увидел, что принц, ко всему прочему, еще и Летописец. Обычно эта гильдия не для жестоких.

Он без особого интереса посмотрел на меня и сказал:

– Странное место ты выбрал для своего Наблюдения, старик.

– Час выбрал это место, сир, – ответил я. – Я оказался здесь, и долг заставил меня приступить к Наблюдению. Откуда мне было знать, что ты вот-вот пройдешь здесь.

– Твои Наблюдения не обнаружили врагов?

– Нет, сир.

Я уже было собрался испытать судьбу и, воспользовавшись моментом, попросить принца о помощи, но, пока я стоял там, его интерес ко мне угас, как догоревшая свеча, и я не посмел воззвать к нему, тем более что он отвернул голову. Нахмурившись, он пристально посмотрел на Гормона и потянул себя за подбородок. Затем его взгляд упал на Авлуэлу. Его глаза тотчас вспыхнули. Мышцы челюсти дернулись, тонкие ноздри раздулись.

– Подойди сюда, маленькая Воздухоплавательница, – сказал он, маня ее к себе. – Ты знакомая этого Наблюдателя?

Авлуэла испуганно кивнула.

Принц протянул руку и схватил ее за тонкое запястье. Авлуэла скользнула к паланкину, и молодой Доминатор с такой злобной усмешкой, что та казалась пародией даже на злобу, провел ее сквозь занавес. Пара Мастеров мгновенно восстановила звуковой барьер, но процессия не сдвинулась с места. Я стоял, онемев. Гормон тоже застыл на месте. Его мощное тело напряглось и как будто одеревенело. Я откатил свою тележку в менее заметное место. Тянулись долгие мгновения. Деликатно отведя взгляды от паланкина, придворные молчали.

Наконец занавес раздвинулся вновь. Авлуэла, шатаясь, шагнула наружу. Ее лицо было бледным, она часто моргала, как будто пыталась понять, где она. На щеках блестели полоски пота. Она едва не упала, но один из кастратов подхватил ее и поставил на ноги. Под курткой крылья Авлуэлы частично распрямились, сделав ее похожей на горбунью, и это подсказало мне, что сейчас она пребывает в состоянии сильного эмоционального шока. Дрожа всем телом и покачиваясь на неверных ногах, она подошла к нам. Не говоря ни слова, она посмотрела на меня и бросилась на широкую грудь Гормона.

– Принц даровал нам ночлег в дворцовой гостинице! – хрипло прошептала Авлуэла, когда процессия вышла на улицу.

4

Обслуга гостиницы, конечно, не поверила нам.

Гостей принца размещали в гостинице, располагавшейся в задней части дворца в небольшом саду с кустами молочая и цветущими папоротниками. Обычными ее постояльцами были Мастера и изредка Доминаторы. Иногда места в ней достаивался Летописец, выполнявший то или иное важное исследование, или какой-нибудь высокопоставленный Защитник, занимающийся стратегическим планированием. Поселить в дворцовой гостинице Воздухоплавательницу было верхом странности; увидеть в этих стенах Наблюдателя было крайне маловероятным; появление же в этих стенах Перерожденца или другого человека вне гильдии было вообще делом неслыханным. Поэтому, когда мы представились, встретившие нас Сервиторы сначала восприняли все как шутку. Впрочем, веселье быстро сменилось раздражением и в конечном итоге презрением.

– Убирайтесь прочь! – сказали они нам. – Подонки! Мерзкие отбросы!

– Право поселиться здесь нам даровал сам принц, и вы не смеете отказать нам, – заявила Авлуэла серьезным тоном.

– Прочь! Убирайтесь!

Кривозубый Сервитор достал дубинку-парализатор и стал угрожающе тыкать ею в лицо Гормону, отпуская мерзкие замечания по поводу его изгойства. Не обращая внимания на болезненный удар током, Гормон выбил дубинку из его рук, пнул ногой в живот, так что его обидчик сложился пополам и рухнул, захлебываясь рвотой. Откуда-то из недр гостиницы тотчас выбежала толпа кастратов. Гормон схватил одного из Сервиторов и швырнул его в их гущу. Тотчас образовалась куча-мала. Дикие крики и злобные проклятия привлекли внимание одного почтенного Писца. Он вразвалочку подошел к двери, рывкнул на Сервиторов, требуя, чтобы те умолкли, и сурово допросил нас.

– Твои слова легко проверить, – сказал он, когда Авлуэла поведала ему нашу историю. – Быстро отправь мысль Индексаторам! – презрительно бросил он Сервитору.

В конце концов недоразумение было улажено, и нас пустили. Нам отвели отдельные, но смежные комнаты. Никогда еще я не видел такой роскоши и, возможно, никогда больше не увижу.

Комнаты были просторные, с высоким потолком. Войти в них можно было через телескопические воронки, настроенные на индивидуальную теплоотдачу, что гарантировало постояльцам уединение. Свет включался от малейшего кивка – свисавшие с потолка шары и полусферы на стенах были спикулами рабосвета с одной из планет Яркой звезды, выдрессированные посредством боли выполнять такие команды. Окна открывались и закрывались по желанию жильца. Когда ими не пользовались, их закрывали узкие полоски квазиразумной инопланетной марли, которые не только выполняли роль украшений, но и служили источником восхитительных ароматов в соответствии с затребованными образцами. Комнаты были также снабжены индивидуальными нейрошлемами, подсоединенными к основным резервуарам памяти. Они также позволяли при необходимости вызывать Сервиторов, Писцов, Индексаторов или Музыкантов. Конечно, человек моей скромной гильдии не осмелился бы беспокоить других людей из опасения прогневить их, да и в любом случае мне не было в том необходимости.

Я не спрашивал Авлуэлу, что произошло в паланкине принца и почему мы удостоились подобной щедрости. Впрочем, я легко мог догадаться, как и Гормон, чья едва сдерживаемая ярость служила красноречивым свидетельством его невысказанных чувств к моей бледной, хрупкой маленькой Воздухоплавательнице.

Итак, мы поселились. Я поставил свою тележку рядом с окном, задрапировал ее марлей и подготовил к следующему сеансу Наблюдения. И пока я смывал с тела накопившуюся грязь, вмурованные в стену существа ублажали мой слух пением. Совершив омовение, я поел. Затем ко мне пришла Авлуэла, освеженная и отдохнувшая, и села рядом со мной в моей комнате, и мы с ней стали делиться рассказами о нашей жизни.

Гормон долго не появлялся. Я было подумал, что он, возможно, вообще ушел из гостиницы, найдя здешнюю атмосферу слишком утонченной, и решил поискать общества себе подобных изгоев. Но в сумерках мы с Авлуэлой вышли в уединенный двор гостиницы и поднялись на пандус, чтобы понаблюдать за появлением звезд на небе Роума, и там наткнулись на Гормона. Впрочем, он был не один. С ним был тощий, долговязый человек с платком Летописца на шее. Они о чем-то тихо разговаривали.

– Наблюдатель, познакомься с моим новым другом, – кивнув, сказал мне Гормон.

Тощий потрогал свой платок.

– Я Летописец Базиль, – произнес он голосом тонким, как фреска, которую соскребли со стены. – Я пришел из Перриса, дабы постичь тайны Роума. Я намерен прожить здесь много лет.

– У Летописца много прекрасных историй, – сказал Гормон. – Он входит в число первых в своей гильдии. Когда вы подошли к нам, он описывал мне методы, с помощью которых раскрывается прошлое. Видите ли, они прокладывают траншею в культурных слоях Третьего Цикла и с помощью вакуумных установок извлекают из глубин молекулы земли, чтобы обнажить древние пласты.

– Мы нашли катакомбы Имперского Роума, – сказал Базиль, – и обломки Эпохи Перемен, книги на пластинах белого металла, написанные ближе к концу Второго Цикла. Все это отправляется в Перрис для исследования, классификации и расшифровки. Затем эти образцы возвращаются. Тебе интересно прошлое, Наблюдатель?

– До известной степени, – улынулся я. – Этот Перерожденец проявляет к нему гораздо больший интерес, чем следовало бы. Порой я подозреваю, что он не тот, за кого себя выдает. Ты бы узнал замаскированного Летописца?

Базиль смерил Гормона оценивающим взглядом – его причудливые черты лица, его чрезмерно мускулистое тело.

– Нет, он не Летописец, – сказал он наконец. – Но я согласен, что у него есть интерес к древностям. Он задал мне немало глубоких вопросов.

– Каких же?

– Ему интересно знать происхождение гильдий. Он спрашивает, как звали генетического хирурга, который создал первых способных давать потомство Воздухоплателей. Он задается вопросом, почему существуют Перерожденцы и действительно ли на них лежит проклятие Воли?

– А у тебя есть ответы на эти вопросы? – спросил я.

– На некоторые, – признался Базиль. – Лишь на некоторые.

– О происхождении гильдий?

– Дабы придать упорядоченность и смысл обществу, потерпевшему поражение и упадок, – сказал он. – В конце Второго Цикла все перемешалось. Ни один человек не знал ни своего места, ни своего предназначения. По нашему миру шагали надменные пришельцы, считавшие всех нас ничтожествами. Необходимо было установить некие твердые ориентиры, помогавшие человеку осознать свою ценность по сравнению с другими. Так появились первые гильдии: Доминаторы, Мастера, Купцы, Землевладельцы, Торговцы и Сервиторы. Затем к ним добавились Писцы, Музыканты, Клоуны и Транспортеры. Впоследствии стали нужны Индексаторы, затем Наблюдатели и Защитники. Когда Годы Магии дали нам Воздухоплателей и Перерожденцев, были добавлены и эти гильдии, а затем появились и те, кто не входил ни в какие гильдии, кастраты, для того чтобы...

– Но ведь Перерожденцы тоже не имеют гильдии! – сказала Авлуэла.

Летописец впервые удостоил ее взглядом:

– Кто ты, дитя?

– Воздухоплавательница Авлуэла. Я путешествую с этим Наблюдателем и этим Перерожденцем.

– Как я здесь рассказывал Перерожденцу, – сказал Базиль, – в те давние времена подобные ему имели свою отдельную гильдию. Гильдия была распущена тысячу лет назад по приказу Совета Доминаторов после попытки бесчестной группировки Перерожденцев взять под контроль святые места Джорслема, и с того времени они не имеют гильдии, занимая место чуть выше Кастратов.

– Я никогда не слышал об этом, – признался я.

– Ты не Летописец, – самодовольно сказал Базиль. – Это наше ремесло – открывать прошлое.

– Верно. Верно.

– А сегодня сколько гильдий? – спросил Гормон.

– По крайней мере, сто, мой друг, – неопределенно ответил Базиль. – Одни довольно малочисленны, другие существуют лишь в отдельных местах. Я изучаю лишь самые первые гильдии и их непосредственных преемников. То, что произошло за последние несколько сотен лет, составляет область интереса других исследователей. Мне запросить для тебя информацию?

– Не бери в голову, – сказал Гормон. – Это было всего лишь праздное любопытство.

– Твое любопытство неплохо развито, – заметил Летописец.

– Просто я нахожу мир и все, что в нем есть, чрезвычайно увлекательным. Разве это греховно?

– Странно, – сказал Базиль. – Не состоящие в гильдиях редко выходят за пределы своих собственных горизонтов.

Их разговор прервал Сервитор. С благоговейным трепетом он остановился перед Авлуэлой и сказал:

– Принц вернулся. Он желает твоего общества во дворце, прямо сейчас.

В глазах Авлуэлы мелькнул ужас. Но отказаться было невысказано.

– Я должна пойти с тобой? – спросила она.

– Пожалуйста. Ты должна быть одета и надушена. Он также желает, чтобы ты пришла к нему с развернутыми крыльями.

Авлуэла кивнула. Сервитор повел ее прочь.

Мы еще немного постояли на пандусе. Летописец Базиль рассказывал о прошлом Роума. Я слушал, а Гормон всматривался в сгущающуюся тьму. В конце концов у Летописца пересохло горло. Он извинился и величаво удалился. Несколько мгновений спустя во дворе под нами открылась дверь, и появилась Авлуэла. Она шла пошатываясь, как будто состояла в гильдии Сомнамбулистов, а не Воздухоплавателей. Она была голой под прозрачными одеждами, и в свете звезд ее хрупкое тело казалось призрачно-белым. Ее крылья были расправлены и медленно трепетали, словно в такт ударам сердца. Один Сервитор взял ее за локти. Казалось, ее толкали к дворцу, словно она была лишь призрачным подобием самой себя, а не настоящей женщиной.

– Улетай, Авлуэла, улетай! – прорычал Гормон. – Беги отсюда, пока это возможно!

Она скрылась в боковом входе во дворец.

Гормон посмотрел на меня:

– Она продала себя принцу, чтобы дать нам крышу над головой.

– Похоже на то.

– Я мог бы разнести в щепки этот дворец!

– Ты ее любишь?

– По-моему, это очевидно.

– Успокойся, – посоветовал я. – Ты необычный человек, но все же Воздухоплавательница не для тебя. Особенно та, что делила ложе с принцем Роума.

– Она идет к нему из моих рук.

Я был сражен наповал его признанием:

– Ты познал ее?

– Не раз, – ответил он с печальной улыбкой. – В момент экстаза ее крылья дрожат, как листья в бурю.

Чтобы не свалиться во двор, я схватился за перила пандуса. Звезды кружились над головой, старая луна и два ее спутника подпрыгивали и качались. Я был потрясен, хотя и не понимал причину своего состояния. Был ли это гнев на Гормона за то, что этот наглец осмелился нарушить букву закона? Или проявлением моих псевдоотцовских чувств к Авлуэле? Или же обыкновенная зависть к Гормону за то, что тот осмелился совершить грех, на который я не способен физически, хотя в душе желал его?

– Они могут выжечь за это твой мозг, – сказал я. – Могут перемолоть твою душу. И вот теперь ты делаешь меня соучастником.

– Что из этого? Принц повелевает и получает свое – но до него там побывали и другие. Я должен был сказать кому-то.

– Хватит. Довольно.

– Мы увидим ее снова?

– Принцы быстро устают от своих женщин. Несколько дней, а может, даже всего одна ночь – и он вышвырнет ее за дверь. И тогда, думается мне, нам придется покинуть эту гостиницу, – вздохнул я. – По крайней мере, мы узнаем это через несколько ночей, хотя это и дольше, чем мы заслужили.

– Куда ты пойдешь потом? – спросил Гормон.

– Останусь еще некоторое время в Роуме.

– Даже если тебе придется спать на улице? Похоже, здесь нет особого спроса на Наблюдателей.

– Как-нибудь переживу, – ответил я. – А потом отправлюсь в Перрис.

– Учиться у Летописцев?

– Чтобы увидеть Перрис. А ты? Что тебе нужно в Роуме?

– Авлуэла.

– Довольно, хватит об этом!

– Уговорил, – ответил Перерожденец с горькой улыбкой. – Но я останусь здесь до тех пор, пока принц не пресытится ею. Тогда она будет моей, и мы найдем способ выжить. Люди вроде меня весьма находчивы. Нужда заставляет нас быть такими. Возможно, мы на какое-то время найдем жилье в Роуме, а затем последуем за тобой в Перрис. Если, конечно, ты готов путешествовать вместе с уродливыми мутантами и неверными Воздухоплавательницами.

Я пожал плечами:

– Увидим, когда придет время.

– Тебе когда-нибудь доводилось бывать в обществе Перерожденца?

– Нечасто. И недолго.

– Для меня это великая честь. – Он побарабанил пальцами по парапету. – Не прогоняй меня, Наблюдатель. У меня есть причина, чтобы остаться с тобой.

– Какая?

– Хочу увидеть твое лицо в тот день, когда твои машины скажут тебе, что вторжение на Землю началось.

Я понурил плечи.

- Тогда ты останешься со мной надолго.
- Разве ты не веришь, что вторжение неминуемо?
- Когда-нибудь. Не скоро.

Гормон усмехнулся.

- Ошибаешься. Вторжение уже у порога.
- Не смешно.

– Что такое, Наблюдатель? Или ты утратил веру? Это известно уже тысячу лет: инопланетная раса жаждет захватить Землю. Она владеет ею по договору и когда-нибудь придет, чтобы ее заполнить. Так было условлено в конце Второго Цикла.

– Я отлично это знаю, но я не Летописец. – Затем я повернулся к нему и произнес слова, которые никогда не думал произносить вслух: – В два раза больше лет, чем ты прожил на свете, Гормон, я слушал звезды и вел Наблюдение. Если часто что-то делать, это теряет смысл. Произнеси свое имя десять тысяч раз, и оно превратится в пустой звук. Я наблюдал, и наблюдал усердно, но в темные часы ночи мне иногда кажется, что я наблюдал зря, что я впустую потратил свою жизнь. Наблюдение доставляет мне удовольствие, но, возможно, в нем нет никакой необходимости.

Его рука сжала мое запястье.

– Твое признание столь же ужасно, как и мое. Храни свою веру, Наблюдатель. Вторжение произойдет!

- Откуда ты можешь это знать?
- У таких, как я, есть свои секреты.

Разговор тревожил меня.

– Тяжело ли быть таким, как ты? Без гильдии? – спросил я.

– Со временем привыкаешь. В этом даже есть свои преимущества, которые восполняют отсутствие статуса. Я могу свободно говорить со всеми.

– Я это заметил.

– Я свободно передвигаюсь. Я всегда знаю, что найду еду и жилье, хотя еда может быть подпорченной, а жилье плохим. Женщины тянутся ко мне вопреки всем запретам. Или же благодаря им. Я не обременен тщеславными помыслами.

– И тебе никогда не хотелось подняться выше твоего нынешнего положения?

– Никогда.

– Ты мог бы быть гораздо счастливее, будь ты Летописцем.

– Я и так счастлив. Я могу наслаждаться жизнью Летописца без груза его ответственности.

– Какой ты самодовольный! – вскричал я. – Это надо же упиваться своим положением изгоя!

– А как еще можно выдержать бремя Воли? – Гормон посмотрел на дворец. – Скромные возвышаются. Великих низвергают. Прими это как пророчество, Наблюдатель: еще до наступления лета этот похотливый принц познает новые для него стороны жизни. Я вырву ему глаза за Авлуэлу!

– Сильные слова. Сегодня вечером ты клокочешь предательством.

– Прими это как пророчество.

– Ты не сможешь даже подойти к нему, – сказал я и, злясь на себя за то, что серьезно воспринял его глупость, добавил: – Да и к чему его винить? Он поступает так, как поступают все принцы. Девушка сама виновата, она сама пошла к нему. Что мешало ей отказать ему?

– И потерять свои крылья. Или умереть. Нет, у нее не было выбора. А у меня он есть! – Внезапно Гормон в жутковатом жесте вытянул средний и указательный пальцы, с двумя фалангами и длинными ногтями, и как будто нацелил их вперед, в воображаемые глаза. – Подожди, – сказал он. – Сейчас увидишь!

Во дворе появились двое Хрономантов. Они установили приборы своей гильдии и зажгли свечи, чтобы прочитать в их свете образ завтрашнего дня. Приторный запах белесого дыма достиг моих ноздрей. Но теперь я потерял всякое желание говорить с Гормоном.

- Уже поздно, – сказал я. – Мне нужен отдых, и скоро я должен заняться Наблюдением.
- Наблюдай внимательно, – пожелал мне Гормон.

5

Ночью у себя в комнате я провел четвертое, последнее Наблюдение того долгого дня и впервые в жизни обнаружил аномалию. И не смог ее истолковать. Это было неясное ощущение, смешение вкусов и звуков, ощущение контакта с некой колоссальной массой. Встревоженный, я не убирал свои инструменты гораздо дольше обычного, но в конце моего сеанса видел все не более отчетливо, чем в его начале.

Потом я задумался о своем долге.

Наблюдателей с детства обучают быстро поднимать тревогу. Тревога должна прозвучать моментально, как только Наблюдатель сочтет, что мир в опасности. Должен ли я уведомить Защитников? В моей жизни сигнал тревоги звучал четыре раза, и всякий раз по ошибке. И каждый из четверых Наблюдателей, вызвавших ложную мобилизацию, жестко за это поплатился. Один распорядился отдать свой мозг в банк памяти; второй из чувства стыда согласился на кастрацию; третий разбил свои инструменты, ушел из гильдии и отправился жить среди изгоев. Четвертый, тщетно пытаясь и далее заниматься своим делом, обнаружил, что стал предметом насмешек со стороны своих товарищей. Лично я не видел ничего хорошего в том, чтобы презирать человека, объявившего ложную тревогу. Пусть уж лучше Наблюдатель объявит об опасности слишком рано, чем не объявит вообще. Но таковы были правила и обычаи нашей гильдии, и я был скован ими.

Оценив мое положение, я решил, что у меня нет веских оснований для того, чтобы бить тревогу. Просто в этот вечер Гормон заронил в мое сознание коварные мысли. Возможно, я лишь реагирую на его насмешливые разговоры о скором вторжении.

Я не мог действовать. Я не мог рисковать и поспешным призывом к бдительности ставить под угрозу свое положение. Я не доверял своему собственному эмоциональному состоянию.

Я не дал сигнал тревоги.

Взбудораженный, сбитый с толку, снедаемый угрызениями совести, я закрыл свою тележку и позволил себе погрузиться в тяжелый сон.

На рассвете я проснулся и бросился к окну, ожидая увидеть на улицах инопланетных захватчиков. Но все было тихо. Над городом висела серая зимняя мгла, и сонные Сервиторы расталкивали сонных Кастратов. Я с тяжелым сердцем провел свое первое Наблюдение нового дня, и, к моему вящему облегчению, странности прошлой ночи не повторились, хотя я и помнил о том, что ночью моя чувствительность гораздо выше, чем при пробуждении.

Я поел и вышел во двор. Гормон и Авлуэла уже были там. Она выглядела усталой и подавленной, изнуренной ночью с принцем Роума, но я предпочел промолчать. Гормон стоял, с презрительной гримасой прислонившись к стене, украшенной раковинами светящихся моллюсков.

– Как прошло Наблюдение? Надеюсь, все хорошо? – спросил он.

– Довольно хорошо.

– Какие планы на день?

– Буду бродить по Роуму, – сказал я. – Пойдете со мной? Авлуэла? Гормон?

– Конечно, – ответил он, а она слегка кивнула. И, как туристы, коими мы, по сути, и были, мы отправились осматривать великолепный город Роум.

Опровергая его собственное заявление, что он никогда не был здесь раньше, Гормон взял на себя роль гида по лабиринту развалин Роума. Как завзятый Летописец, он рассказывал нам о том, что мы видели, пока шли извилистыми улочками древнего города. Все уровни многих тысячелетий были видны как на ладони. Мы видели купола силовых колодцев Второго Цикла и Колизей, где в невероятно глубокой древности устраивались поединки людей и зверей. Стоя посреди разрушенного остова этого ужасного сооружения, Гормон рассказал нам о дикости того невообразимо далекого времени.

– Они сражались обнаженные перед огромными толпами, – рассказывал он. – Мужчины голыми руками вступали в схватку с так называемыми львами. Это были большие мохнатые кошки с огромными головами. И когда издыхающий лев лежал в луже крови, победитель поворачивался к принцу Роума и просил помиловать его за то преступление, которое привело его на арену. И если он храбро сражался, принц делал жест рукой, и человек получал свободу. – Гормон показал нам этот жест: поднял большой палец и несколько раз указал им назад через правое плечо. – Но если человек проявил трусость или если лев храбро сражался до самой своей смерти, принц делал другой жест, и этот человек приговаривался к поединку со следующим зверем.

Гормон показал нам и этот жест: сжав кулак и выставив лишь большой палец, он резко ткнул им вверх.

– Откуда тебе все это известно? – спросила Авлуэла, но Гормон сделал вид, будто не услышал ее.

Мы увидели череду пилонов термоядерного синтеза, построенных в начале Третьего Цикла для того, чтобы получать энергию из ядра планеты. Они все еще функционировали, хотя были изъедены ржавчиной. Мы увидели останки погодной машины Второго Цикла, внушительную колонну высотой в рост не менее двадцати человек. Мы увидели холм, на котором белели мраморные развалины Первого Цикла, напоминая бледные соцветия зимних смертоцветов. Пройдя дальше к внутренней части города, мы наткнулись на ряды оборонительных громкоговорителей, готовых обрушить на захватчиков мощный удар Воли. Мы осмотрели рынок, где пришельцы из других миров торговались с крестьянами за раскопанные фрагменты древности. Гормон смешался с толпой и сделал несколько покупок. Мы заглянули в дом плотских утех для путешественников из далеких миров, где можно было купить что угодно: от квазижизни до гор сладострастия.

Мы поели в небольшой харчевне на берегу реки Твер, где изгоям подавали еду без всяких церемоний. По настоянию Гормона мы поужинали чем-то похожим на комки мягкого теста и выпили терпкого желтого вина местного производства.

После этого мы прошли по аркаде, под сводами которой в многочисленных лавках пухлые Торговцы продавали товары из других миров, дорогие безделушки из Африка и хрупкие изделия местных мануфактур.

Сразу за аркадой мы оказались на площади, которую украшал фонтан в форме ладьи. Позади него виднелись ступени потрескавшейся каменной лестницы, которые вели наверх, к усыпанной битым камнем и заросшей сорняками площадке. Гормон поманил нас, мы поднялись наверх и быстро прошли через это ужасное место туда, где над поросшим зеленью положим холмом задумчиво высился роскошный дворец, по внешнему виду начала Второго или даже Первого Цикла.

– Говорят, будто это центр мира, – заявил Гормон. – В Джорслеме есть еще одно место, которое также претендует на это звание. Оно отмечено на карте.

– Как может мир иметь один центр, – спросила Авлуэла, – если он круглый?

Гормон засмеялся. Мы вошли. Внутри, в зимней темноте, стоял колоссальных размеров шар, освещенный неким внутренним светом.

– Вот ваш мир, – сказал Гормон, сопроводив свои слова широким жестом.

– Ой! – ахнула Авлуэла. – Все! Тут есть все!

Шарообразная карта была подлинным шедевром. На ней имелись все естественные очертания возвышенностей и впадин. Ее моря казались глубокими водоемами, пустыни были настолько сухи, что источали жажду, а города как будто бурлили энергией и жизнью. Моему взору предстали континенты: Эйроп, Африк, Асья, Стралья. Я обозрел просторы Земного Океана. Я проследил взглядом золотой пролет Сухопутного моста, по которому не так давно с таким трудом прошел пешком. Авлуэла бросилась вперед и нашла Роум, Агюпт, Джорслем, Перрис. Побарабанив кончиками пальцев по вершинам гор к северу от Хинда, она тихо сказала:

– Вот здесь родилась я, там, где живет лед, где горы касаются лун. Здесь у Воздухоплателей есть свое королевство.

Она провела пальцем на запад, в направлении Фарса, затем через зловещую пустыню Арбы и далее к Агюпту.

– Вот куда я улетела. Ночью, когда я выросла из девичества. Мы все должны летать, и я улетела сюда. Я сто раз думала, что умру. Здесь, здесь, в пустыне, я летела, и у меня в горле был песок, песок бился о мои крылья. Я была вынуждена спуститься на землю, я в течение нескольких дней лежала голая на горячем песке, и другой Воздухоплатитель увидел меня, и спустился ко мне, и пожалел меня, и поднял меня, и, когда я оказалась в воздухе, силы вернулись ко мне, и мы вместе полетели к Агюпту.

Но он умер над морем, его жизнь внезапно оборвалась, хотя он был молод и силен, и он упал в море, и я спустилась вниз, чтобы быть с ним, и вода была горячей даже ночью. Я дрейфовала, и, когда наступило утро, я увидела живые камни, растущие в воде, как деревья, и разноцветных рыб, и они подплыли к нему и стали клевать его плоть, пока он плавал на воде с расправленными крыльями, и я оставила его. Я толкнула его под воду, чтобы он нашел там свое последнее пристанище, а сама поднялась и полетела в Агюпт одна, испуганная, и там я встретила тебя, Наблюдатель, – с этими словами Авлуэла робко улыбнулась мне. – Покажи нам место, где ты был молод.

Кряхтя, потому что внезапно мои колени одеревенели, я перешел к другой стороне земного шара. Авлуэла последовала за мной. Гормон топтался за нашими спинами, как будто это было ему неинтересно. Я указал на разбросанные острова, двумя длинными цепочками вырастающие из Земного Океана, – все, что осталось от Затонувших Континентов.

– Вот, – сказал я, указывая на мой родной остров на западе. – Я родился вот здесь.

– Так далеко! – воскликнула Авлуэла.

– И так давно, – сказал я. – В середине Второго Цикла, как порой кажется мне.

– Нет! Это невозможно!

Но она посмотрела на меня так, как будто это было правдой и мне действительно несколько тысяч лет. Я улыбнулся и коснулся ее атласной щеки.

– Просто мне так кажется, – сказал я.

– Когда ты покинул дом?

– Когда я был вдвое старше тебя, – сказал я. – Сначала я пришел сюда. – Я указал на восточную группу островов. – Я провел десяток лет в качестве Наблюдателя на Палаше. Потом Воля заставила меня пересечь Земной Океан. Так я попал в Африк. Я жил некоторое время в жарких странах. Затем пошел в Агюпт, где встретил некую маленькую Воздухоплательницу. – Я умолк и вновь посмотрел на острова, что когда-то были моим домом. Перед моим внутренним взором возник я сам, но не тощий, изнуренный старик, каким я был сейчас. Я увидел себя молодым и полным сил. Я взбирался на зеленые горы, я плавал в холодных морских водах, я вел свои Наблюдения на ослепительно-белом песке под мерный рокот прибоя.

Пока я пребывал в задумчивости, Авлуэла отвернулась от меня к Гормону.

– Теперь ты. Покажи нам, откуда ты родом, Перерожденец! – сказала она.

Гормон пожал плечами:

– Этого места нет на глобусе.

– Но ведь это невозможно!

– Неужели? – спросил он.

Она продолжила терзать его вопросами, он – уворачиваться от них. Между тем мы вышли через боковой выход на улицы Роума.

Я уже ощущал усталость, но Авлуэле хотелось осмотреть город. Она как будто собралась проглотить его целиком всего за один день. Что поделать? Мы углубились в лабиринт улиц, прошли через квартал сверкающих вилл Мастеров и Купцов и через грязное логовище Сервиторов и Торговцев, уходившее вглубь, в подземные катакомбы, миновали улицу, на которой обосновались Клоуны и Музыканты, и вышли на другую, где гильдия Сомнамбулистов предлагала свои сомнительные товары. Жирная Сомнамбулистка умоляла нас зайти внутрь и купить истину, познать которую можно только войдя в транс. Авлуэла предложила зайти к ней, но я улыбнулся, и мы пошли дальше. Вскоре мы оказались на краю парка, недалеко от центра города. Здесь жители Роума прогуливались с энергией, какую редко встретишь в знойном Агюпте. Мы присоединились к ним.

– Посмотрите туда! – сказала Авлуэла. – Как ярко она сияет!

Она указала на сияющую дугу трехмерной сферы над какой-то реликвией древнего города. Прикрыв как дощечкой ладонью глаза, я разглядел внутри древнюю каменную стену и толпу людей.

– Уста Истины, – пояснил Гормон.

– Это что? – спросила Авлуэла.

– Войди и увидишь сама.

В сферу тянулась очередь. Мы встали в нее и вскоре оказались у входа в святилище, глядяваясь через порог в не подвластное времени пространство. Почему эта реликвия и еще несколько других удостоились такой особой защиты, я не знал. Поэтому я спросил Гормона, чьи познания самым загадочным образом были столь же глубоки, как и познания любого Летописца, и он ответил:

– Потому что это царство определенности, где то, что говорят, абсолютно соответствует действительности.

– Я не понимаю, – сказала Авлуэла.

– В этом месте невозможно солгать, – пояснил Гормон. – Можете ли вы назвать иную реликвию, более достойную защиты? – Он шагнул через входной канал, на миг превратившись в расплывчатый силуэт, и я быстро последовал за ним внутрь. Авлуэла же замешкалась. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она вошла. Застыв на самом пороге, она, казалось, боролась с ветром, дующим вдоль пограничной линии между внешним миром и карманной вселенной, в которой мы стояли.

Во внутреннем помещении находились сами Уста Истины. К ним тянулась очередь, и серьезный Индексатор контролировал поток желающих прикоснуться к древности. Нам пришлось подождать, прежде чем нам троим разрешили войти в святилище. Мы оказались перед горельефом – свирепой головой чудовища на древней, изъеденной временем стене. Рот каменного лица был разверст – темная, зловещая дыра в стене. Окинув его взглядом, Гормон кивнул. Казалось, он был доволен, что все оказалось именно таким, как он и предполагал.

– Что будем делать? – спросила Авлуэла.

– Наблюдатель, вложи свою правую руку в Уста Истины, – велел мне Гормон.

Я нехотя подчинился.

– А теперь, – продолжил он, – один из нас задает вопрос. Ты должен ответить на него. Если ты скажешь неправду, Уста сомнутся и откусят тебе руку.

– Нет! – воскликнула Авлуэла.

Я с тревогой смотрел на каменные челюсти вокруг моего запястья. Наблюдатель без обеих рук – человек без ремесла. Во времена Второго Цикла можно было получить протез, куда более ловкий, чем настоящая рука, но Второй Цикл уже давно завершился, и в наши дни такие полезные вещи на Земле не купить.

– Разве такое возможно? – спросил я.

– Воля необычайно сильна в таких местах, – ответил Гормон. – Она строго различает правду и неправду. По ту сторону этой стены спят три Сомнамбулиста, посредством которых говорит Воля, и они контролируют Уста. Ты боишься Воли, Наблюдатель?

– Я боюсь своего собственного языка.

– Будь храбр. Перед этой стеной ни разу не прозвучала ложь. Никто ни разу не лишился руки.

– Тогда давай, – сказал я. – Кто задаст мне вопрос?

– Я, – ответил Гормон. – Скажи мне, Наблюдатель: если отбросить в сторону притворство, ты бы сказал, что жизнь, проведенная в Наблюдении, прожита мудро?

Я молчал, перебирая в голове мысли и глядя на каменные челюсти.

– Посвятить себя Бдению во имя других людей, – наконец произнес я, – пожалуй, это самая благородная цель, какой только можно служить.

– Осторожнее! – с тревогой в голосе вскричал Гормон.

– Я еще не закончил, – сказал я.

– Продолжай.

– Но посвятить себя Бдению, когда враг мнимый, – значит бездельничать, и хвалить себя за то, что ты долго и усердно ищешь врага, который не придет, – глупо и греховно. Моя жизнь была пустой тратой времени.

Челюсти Уст Истины даже не дрогнули.

Я убрал руку и посмотрел на нее так, будто она лишь недавно выросла из моего плеча. Внезапно я ощутил себя глубоким стариком, прожившим несколько циклов. Авлуэла вытаращила глаза и прикрыла ладонями рот, потрясенная тем, что я сказал. Казалось, что мои слова застыли в воздухе, повиснув перед уродливым идолом.

– Сказано честно, – похвалил Гормон, – хотя и без особой жалости к себе. Ты судишь себя слишком строго, Наблюдатель.

– Я говорил так, потому что мне дорога моя рука, – ответил я. – Ты бы предпочел, чтобы я солгал?

Гормон улыбнулся:

– Теперь твоя очередь, – сказал он Авлуэле.

Заметно испуганная, маленькая Воздухоплавательница шагнула к Устам Истины и вставила худенькую, дрожащую руку между плитами холодного камня. Я поборол в себе желание броситься к ней и вытащить ее руку из этой дьявольской, гримасничающей головы.

– Кто задаст ей вопрос? – спросил я.

– Я задам, – ответил Гормон.

Крылья Авлуэлы затрепыхались под ее одеждой. Лицо ее побледнело, ноздри подрагивали. Закусив нижнюю губу, она привалилась к стене, в ужасе глядя на скрытую в черной дыре кисть. Снаружи на нас смотрели расплывчатые лица. Их губы шевелились, по всей видимости, выражая нетерпение по поводу нашего затянувшегося визита к Устам Истины, но мы ничего не слышали. Атмосфера вокруг нас была теплой и липкой, с затхлым запахом, похожим на тот, что исходит из колодца, пробитого в структуре Времени.

Гормон медленно произнес:

– Прошлой ночью ты позволила принцу Роума овладеть твоим телом. До этого ты дарила его Перерожденцу Гормону, хотя такие связи запрещены обычаем и законом. До этого ты была любовницей Воздухоплатателя, ныне покойного. Возможно, у тебя были и другие мужчины, но

я ничего о них не знаю, и для целей моего вопроса они не важны. Скажи мне вот что, Авлуэла: кто из троих доставил тебе самое сильное физическое удовольствие, кто из троих пробудил в тебе самые глубокие эмоции и кого из троих ты бы выбрала в качестве супруга, будь у тебя такой выбор?

Я хотел было возразить, что Перерожденец задал ей три вопроса, а не один и потому получил несправедливое преимущество. Но не успел, потому что, просунув руку глубоко в Уста Истины, Авлуэла, не колеблясь, ответила:

– Принц Роума доставил моему телу больше удовольствия, чем я когда-либо знала прежде, но он холоден и жесток, и я презираю его. Мой мертвый Воздухоплаватель любил меня сильнее, чем любой человек до или после него, но он был слаб, и я бы не хотела его себе в супруги. Ты, Гормон, даже сейчас кажешься мне почти незнакомцем, и я чувствую, что не знаю ни твоего тела, ни твоей души, и все же, хотя пропасть между нами так велика, именно с тобой я бы провела отпущенные мне дни.

Сказав это, она вытянула руку из Уст Истины.

– Хорошо сказано! – похвалил Гормон, хотя точность ее слов ранила его ничуть не меньше, чем обрадовала. – Внезапно, когда того требуют обстоятельства, ты обрела красноречие. А теперь моя очередь рискнуть рукой.

И он шагнул к Устам.

– Ты задал первые два вопроса, – сказал я. – Хочешь закончить это дело и задать третий?

– Вряд ли, – сказал он и небрежно махнул свободной рукой. – Посоветуйтесь между собой и задайте совместный вопрос.

Мы с Авлуэлой посоветовались. С несвойственной ей прямоотой она предложила вопрос, и поскольку я задал бы точно такой же, я согласился и попросил ее задать его.

– Когда мы стояли перед глобусом, Гормон, – сказала она, – я попросила тебя показать мне место, где ты родился, и ты сказал, что не можешь найти его на карте. Это показалось мне странным. Скажи честно: ты тот, за кого ты себя выдаешь, – Перерожденец, который бродит по свету?

– Нет, – ответил он.

В известном смысле он ответил на заданный Авлуэлой вопрос, но, разумеется, ответ был недостаточным, и он, не вынимая руки из Уст Истины, продолжил:

– Я не показал вам свое место рождения на земном шаре, ибо я родился не на нем, а на планете звезды, которую я не смею называть. Я не Перерожденец в вашем значении этого слова, хотя в известном смысле я именно таков, ибо мое тело замаскировано и в моем собственном мире я ношу другую плоть. Я прожил здесь десять лет.

– С какой целью ты прибыл на Землю? – спросил я.

– Я обязан ответить лишь на один вопрос, – сказал Гормон и улыбнулся. – Но я, так и быть, отвечу тебе: я послан на Землю в качестве военного наблюдателя, чтобы подготовить путь для вторжения, которого вы так долго ждали и в которое перестали верить. И оно произойдет в ближайшие несколько часов.

– Лжешь! – взревел я. – Лжешь!

Гормон рассмеялся. И вытащил из Уст Истины руку, целую и невредимую.

6

В полном замешательстве я выбежал со своей тележкой с приборами из этой блестящей сферы на улицу, внезапно холодную и темную. Ночь опустилась с присущей зиме быстротой. Был почти девятый час, а значит, почти нужное время для меня провести очередное Наблюдение.

Насмешка Гормона гремела в моем мозгу. Он все подстроил. Нарочно привел нас к Устам Истины, вырвал у меня признание утраченной веры и другое признание, от Авлуэлы; он жестоко сообщил информацию, которую не должен был раскрывать, зная, что произнесенные им слова пронзят меня до глубины души.

Были ли Уста Истины обманом? Мог ли Гормон солгать и не лишиться руки? С тех пор как я впервые приступил к своим Наблюдениям, я не вел их в иное время, кроме назначенных мне часов. Это было время рушащейся реальности. Я не мог дожидаться девятого часа, чтобы приступить к моему делу. Устроившись на ветреной улице, я открыл тележку, подготовил приборы и, как ныряльщик, погрузился в Бдение. Мое расширенное сознание устремилось к звездам.

Я, как божество, бродил по бесконечности. Я ощущал порывы солнечного ветра, но, не будучи Воздухоплателем, мог не опасаться, что его давление сметет и уничтожит меня. Я несея мимо него, вне досягаемости этих злых частиц света, в темноту на край владений солнца. Зато я ощущал другое давление.

Давление приближающихся звездолетов.

Не туристических лайнеров, доставляющих в наш крошечный мир зевак-туристов. Не зарегистрированных коммерческих кораблей, не космических черпальщиков, которые собирают межзвездные пары, не курортных кораблей на их гиперболических орбитах.

Это были военные корабли, темные, инопланетные, угрожающие. Я не мог определить их число. Я знал только, что они летели к Земле на скорости в несколько раз выше световой, толкая перед собой конус отклоненных энергий, тот самый конус, который я ощутил, который почувствовал прошлой ночью. Он ворвался в мои мысли через мои приборы, поглотив меня, словно кубик кристалла, сквозь который, преломляясь, играют и сияют линии напряжения.

Я всю жизнь ждал их появления.

Я был обучен чувствовать такие вещи. Я молился, чтобы мне никогда их не почувствовать, а затем, опустошенный, молился, чтобы я мог их почувствовать, и в конце концов утратил свою веру. Но затем, по милости Перерожденца Гормона, я все-таки это почувствовал, проведя свои Наблюдения, не дожидаясь урочного часа, скрючившись на холодной улице Роума, прямо возле Уст Истины.

В курсе обучения Наблюдателя учат, что, как только его Наблюдения подтверждаются тщательной проверкой, он должен выйти из состояния Бдения и подать сигнал тревоги.

Я послушно провел проверку, переключаясь с одного канала на другой, триангулируя, но по-прежнему улавливая это пугающее ощущение титанической силы, на невообразимой скорости несущейся к Земле.

Либо я заблуждался, либо вторжение было близко. Но я не мог стряхнуть с себя состояние транса, чтобы поднять тревогу. Долго, как мне казалось, несколько часов, я с наслаждением впитывал сенсорные данные. Я ласкал мои приборы, я получал от них полное подтверждение веры, которую дали мне мои наблюдения.

Я смутно предупреждал себя, что трачу впустую жизненно важное время, что мой долг – оставить эти непристойные ласки судьбы и призвать Защитников.

И, наконец, я стряхнул с себя Бдение и вернулся в мир, который я охранял. Авлуэла стояла рядом со мной, испуганная, засунув костяшки пальцев в рот, глядя на меня пустыми глазами.

– Наблюдатель! Наблюдатель, ты меня слышишь? Что происходит? Что произойдет?

– Вторжение, – сказал я. – Как долго я был без сознания?

– Примерно полминуты. Я не знаю. Твои глаза были закрыты. Я думала, ты умер.

– Гормон говорил правду! Захватчики уже почти здесь. Где он? Куда он делся?

– Он исчез, как только мы отошли от Уст Истины, – прошептала Авлуэла. – Наблюдатель, мне страшно. Я чувствую, что мир рушится. Я должна улететь... я не могу оставаться здесь!

– Подожди, – сказал я, безуспешно пытаюсь схватить ее за руку. – Не уходи. Сначала я должен подать сигнал тревоги, а потом...

Но она уже раздевалась. Голое до пояса, ее бледное тело блестело в вечернем свете, а вокруг нас туда-сюда сновали люди, не подозревающие о том, что должно вот-вот произойти. Я хотел оставить Авлуэлу рядом с собой, но больше не мог тянуть с подачей сигнала тревоги. Я отвернулся от нее обратно к своей тележке.

Как будто во сне, порожденном перезревшим желанием, я потянулся к кнопке, которую никогда не трогал, той, что отправит Защитникам по всей планете оповещение.

Но что, если сигнал тревоги уже дан? Что, если некий другой Наблюдатель уловил то, что уловил я, и, менее парализованный растерянностью и сомнением, исполнил последний долг Наблюдателя? Нет. Нет. Ибо тогда я бы уже слышал вой сирен, издаваемый орбитальными громкоговорителями над городом.

Я коснулся кнопки. Краем глаза я увидел Авлуэлу – сбросив с себя одежду, та стояла на коленях, произнося ритуальные слова, наполняя тонкие крылья силой. Еще миг, и она взлетит ввысь, и тогда я не смогу ее остановить. Одним быстрым движением я подал сигнал. И в тот момент увидел, что к нам шагает здоровенная фигура. Гормон, подумал я и тотчас отпрянул от своих приборов и протянул к нему руки, намереваясь схватить его и не выпускать. Но подошедший оказался не Гормоном, а Сервитором с невыразительным лицом.

– Постой, Воздухоплавательница, – сказал он Авлуэле. – Сложи свои крылья. Принц Роума велел мне привести тебя к себе.

Он попытался схватить ее. Ее крошечные грудки возмущенно вздымались, глаза сверкнули гневом.

– Отпусти меня! Я собираюсь летать!

– Принц Роума требует тебя к себе, – сказал Сервитор, сжав ее своими мощными лапщами.

– Принца Роума сегодня ждут иные дела, – сказал я. – Она ему не понадобится.

Пока я говорил, над нашими головами запели сирены.

Слуга отпустил Авлуэлу. Пару мгновений его губы бесшумно шевелились. Сделав один из защитных жестов Воли, он посмотрел в небо и хмыкнул:

– Тревога! Кто дал сигнал тревоги? Ты, старый Наблюдатель?

По улицам, словно охваченные безумием, метались люди.

Ощувив свободу, Авлуэла пронеслась мимо меня – бегом, наполовину свернув крылья – и исчезла, проглоченная толпой. Перекрывая жуткий вой сирен, звучали гулкие сообщения общественных оповещателей, раздававших указания по обороне и безопасности. Долговязый человек с эмблемой гильдии Защитников на щеке бросился ко мне и, что-то выкрикнув, – что именно, я так и не понял, – помчался дальше по улице. Казалось, мир сошел с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.